

ВОЗ
ВРА
ЩЕ
НИЕ

ВЛАДИМИР БРИГИНЕЦ

16+

Владимир Бригинец

Возвращение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48709051

SelfPub; 2019

Аннотация

Проснувшись рано утром Том Андерс осознал, что его жизнь – это всего-лишь иллюзия. Вокруг пустые, незнакомые лица, а грань между сном и реальностью окончательно размыта. Он пытается вспомнить самого себя, старается найти дорогу домой, но все сильнее проваливается в пучину безысходности и абсурда.

Содержание

Глава 1. Важно только то, что ты чувствуешь	5
1.	5
2.	12
3.	19
4.	25
Глава 2. В комнате, запертой изнутри	29
1.	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

В оформлении обложки использован шаблон из бесплатного архива приложения для смартфонов CANVA. Авторы шаблонов не указаны.

Canva – кросс-платформенный сервис для графического дизайна, основанный в 2012 году. Создание изображений в сервисе строится на принципе перетаскивания готовых элементов и варьировании изменяемых шаблонов. Графический редактор даёт доступ к встроенной библиотеке шаблонов, стоковых фотографий, иллюстраций и шрифтов. Сервис адресован как рядовым пользователям, так и профессионалам дизайна и цифрового маркетинга[1]. На платформе можно создавать как изображения для публикации в интернете, так и макеты для полиграфической продукции. (прим. Википедия)

Глава 1. Важно только то, что ты чувствуешь

1.

Играла странная музыка. По улице несли гроб. Похоронная колонна корявым, шатающимся из стороны в сторону строем проследовала мимо моего спящего тела. Все участники этой унылой процессии были облачены в черную, траурную одежду, и только у некоторых просматривались белые воротнички.

Кого хоронят? Меня? Или это был кто-то другой?

Скорее всего кто-то другой.

Пробудившись, я медленно открыл глаза, вдохнул свежего, уличного воздуха и поднялся с лавочки. На подмостки рухнула пустая бутылка. Разбилась вдребезги. Мне показалось, что неловким жестом я привлек ненужное внимание участников шествия, однако это было не так. Люди проходили мимо, устремив взгляды в пол.

Оно и к лучшему. Их надменные, скорбные лица были мне настолько противны, насколько это вообще возможно. Они просто плелись вслед за гробом, водруженным на плечи шестерым крепким мужчинам.

Вчера всё было иначе. Было гораздо веселее. Мы пили портвейн и курили какой-то дешёвый табак, привезенный Руфусом из дальних стран. Да и пошло оно всё к черту. Сейчас очень сильно болит голова и во рту стоит какой-то мерзкий привкус резины.

Я закутался в свой рваный коричневый пиджак, обмотал горло красным пушистым шарфом и некоторое время наблюдал, как унылая колонна проплывает мимо меня. Потом я представил себя на месте покойника. Лежу себе в обитом бархатом ящике, сложил руки на груди, весь такой нарядный, довольный, помолодевший. Люди скорбят по мне, тянут свои потные руки в мою сторону, но мне не хочется их пожимать. Довольно с меня подобных действий. В день похорон будьте добры – оставьте меня в покое.

Кто вообще сказал, что мне хотелось бы уйти под звуки такого корявого оркестра, участники которого совершенно не попадают в ноты, а некоторые из них даже не стараются этого сделать. Они идут позади всех, чеканя шаг лакированными туфлями по мостовой. Звук такой противный, такой громкий, что хочется выть. Вот и завыл бы, лежа в ящике. Завыл, а все эти люди завыли бы вместе со мной. Так мы бы и шли, воя, подобно раненым животным.

Я поднялся с лавочки, засунул руки в карманы брюк и пошел следом за колонной.

Осенний воздух был невероятно свеж. Раннее утро. От воды поднимается медленный пар, и пахнет орхидеями. Кры-

ши домов еще не успели принять солнечные лучи, старательно протискивающиеся сквозь свинцовую завесу туч. Мне кажется, я плыл среди всего этого великолепия, сам того не замечая. Все мы плывем на волнах блаженства, даже не подозревая о том, что представляем собой частичку мира, крохотную молекулу, без которой мозаика была бы не завершена. Вот и я, подобно кусочку мозаики, просто искал, куда бы приткнуться, чтобы получилось хорошо.

Потом один из трубачей попросил у меня закурить. Мне пришлось его огорчить, сказав, что не ношу с собой папирос. Он уныло опустил глаза и, казалось, напрочь лишился желания участвовать в шествии. Его толстые щеки то и дело подпрыгивали при каждом шаге, создавая комичное впечатление о своем владельце.

Так мы и брели по узким городским улочкам долгое время. Добравшись до кладбища, где гроб уже поджидали могильщики, колонна рассосалась – люди обступили яму и пристально следили за каждым движением рук двух не выпавшихся молодчиков, ловко опустивших гроб в могилу и закидавших его сырой землей. Вновь играла музыка, сквозь которую слышались вопли убитых горем женщин. Маленькие дети, которых непонятно для чего притащили сюда в такую рань, принялись играть в салочки, бегая от одной надгробной плиты к другой, а я просто стоял в стороне, иногда поглядывая на лица всех этих людей, пришедших сюда в скорби.

Потом я отправился к Руфусу, чтобы попросить у него немного чудесного заморского табака, от которого во рту вязало. Он жил неподалеку, и к моему приходу развешивал постиранное белье на веревку, натянутую меж двух столбов во дворе дома.

– Ты хорошо себя чувствуешь? – справился он о моем здоровье.

– Как обычно. – Я улыбнулся своей небритой физиономией. – Можно одолжить у тебя того странного табака?

– Увы, друг мой, вчера мы его прикончили.

Он тоже улыбался, только выглядело это более естественно.

– Может, хочешь кофе? – поинтересовался Руфус. – Марта сварила отличный кофе...

– Как я оказался на этой лавочке, у фонтана? – перебил его я.

– Ты вчера куда-то пропал. Вернее, ты сказал, что пойдешь домой, и ушел. Видимо, до дома ты не добрался.

– Жанна будет злиться.

– Она точно тебя прикончит.

– Она точно меня прикончит, – повторил я вслед за другом, впившись глазами в одну точку. – И что мне делать?

– Ничего. По-моему, вам пора разводиться, друг мой.

– Но у нее никого нет, кроме меня. – Я помог Руфусу повесить пару рубашек. – Как же я могу ее оставить?

– Она справится, за себя лучше волнуйся.

– И то верно. – Я чихнул. Воздух был чересчур свеж. – Сейчас бы закурить, а нету.

После этого ноги потащили меня домой. К жене.

Она еще спала.

Дом у нас был старый, двухэтажный. Район тоже оставлял желать лучшего, однако после войны весь город пребывал в каком-то странном состоянии.

Я повесил свои вещи на спинку стула, умылся в тазу холодной водой, после чего забрался под одеяло к жене.

– Ты такая теплая, – прошептал я, стараясь прижаться к ней всем телом.

– Мне нужен развод.

Слова ужалили меня в самое сердце. Не то чтобы я не ожидал чего-то подобного, но все же мы вечно откладываем важные разговоры на потом, совершенно забывая о том, что завтрашний день имеет свойство становиться сегодняшним. Именно по этой причине Жанна вмиг показалась мне слишком серьезной.

– В стране кризис, дорогая, как ты можешь думать о разводе в такое нелегкое для всех нас время?

– Перестань ерничать, Том! Ты прекрасно знаешь, что так дальше жить нельзя.

Она поднялась с кровати, накинула халат, после чего закурила папиросу.

– Отпусти меня, пожалуйста! – Ее глаза выглядели грустными. В них не было больше ни капельки любви ко мне, к

этому дому, к этой жизни.

Я уткнулся лицом в подушку, захотел закричать на весь дом, но испугался, что охрипну. Жанна выпускала изо рта клубы едкого дыма и пристально наблюдала за моими движениями.

– Это уже край, Том. Финал. Дальше ничего не будет, понимаешь?

– Как-то не очень.

– А ты попробуй трезво взглянуть на всю эту ситуацию, хотя бы раз в жизни. – Она была сердита, даже слишком.

– Я сегодня видел, как по улице несли гроб. Знаешь, о чем я подумал?

– Да.

– О том, как хорошо, что мы живы и здоровы, моя милая. – Сказав эти слова, я звонко рассмеялся, потом закашлял и вновь уткнулся лицом в подушку.

Она потушила окурок, поднялась со стула и уселась на кровать, напротив меня. От нее пахло домом, уютом, утраченным доверием ко мне. Я хотел ее обнять, поцеловать, заняться с ней любовью, но только вот дальше мыслей дело не пошло.

– Чего ты хочешь, Том?

– Вообще или сейчас?

– Тебе нравится меня мучить? О чем ты вообще думаешь?

Где ты летаешь, Том?

– Не здесь, это точно. – Я быстро устаю от подобных раз-

говоров. Они пусты и лишены всякого смысла. Это, как если бы обреченному на смерть человеку рассказывали о возможных путях спасения, которые он упустил. – Ладно, хватит. Давай позавтракаем и дальше видно будет.

2.

На чердаке нашего дома располагалась крохотная студия, в которой жена проводила большую часть своего времени. Она рисовала картины. Маслом, иногда просто карандашом. Мне никогда не приходило в голову, что это занятие значит для нее гораздо больше, нежели просто морение холстов. Иногда я наблюдал за ее работой, видел, как дрожат пальцы, как медленно опускаются ресницы, и пытался представить, о чем она думает. Не всегда получалось. Однажды ей удалось продать несколько своих картин, что принесло нашей крохотной семье приличную сумму денег. Мне кажется, в тот день я был рад ее успеху, радовался вместе с ней, осознавая, что счастье будет недолгим.

Вот и сейчас передо мной, на тарелке, лежит завтрак. Обыкновенная яичница, с каким-то подобием бекона. В стакане апельсиновый сок, а за окном утренний ветер срывает с деревьев золотистую листву.

Жанна стояла напротив, прислонившись к стене, и курила. Такой она мне не нравилась. Такой она напоминала мне о том, что иногда приходится принимать взрослые решения.

– После обеда нужно забрать Сагиту из школы, – сказала она, стряхивая пепел прямо на пол.

– Хорошо.

– Ты сделаешь это?

– Да.

– Что насчет работы, Том? – внезапно поинтересовалась она.

– Руфус сказал, что в скором времени в город приедет какой-то парень, которому требуются настоящие музыканты. Я мог бы попробовать себя в его постановке.

– Писать музыку для спектаклей?

– Вроде бы да. – Мне пришлось приступить к поеданию завтрака, ибо он начал остывать.

– Может, лучше вернешься в магазин?

– Я еще не уволился оттуда, – уточнил я.

– Тем более. Это стабильный заработок...

– Там воняет тухлятиной.

– И что? – Она развела руки в стороны. – Вечно тебе что-то не нравится. А деньги кто будет зарабатывать? Может, хоть раз в жизни попробуешь стать взрослым?

– Сомнительное предложение, – произнес я, уткнувшись взглядом в яичницу.

– Знаешь, что, мой милый, – Жанна подошло ближе. – Ты слишком большого о себе мнения. И тема с разводом еще не закрыта!

Я постарался пропустить мимо ушей эти слова. Потом я услышал, как она поднялась на чердак, громко хлопнула дверь и уселась за написание картин. Интересно, что же на этот раз намалует эта взбалмошная женщина?

Спустя некоторое время я отправился в школу, чтобы за-

брать оттуда нашу племянницу, Сагиту. Шестнадцатилетнюю девочку, у которой были русые волосы, иногда заплетенные в косички, стройные ноги и какой-то странный, взрослый характер, вызывающий у меня волнение. Она занималась танцами. Сейчас модно заниматься танцами, это просто бум какой-то. Все стараются найти способ самовыражения на сцене. Крутятся, вертятся, одеваются в странные наряды и красятся, как последние проститутки. Сагита любила быть в центре внимания, любила валять дурака, заставляя меня краснеть перед людьми. Жена покупала ей хорошие вещи, приличные костюмы, юбки и платья, и эта мелкая стервозина постоянно крутилась перед зеркалом, воображая себя звездой бродвейской постановки.

До школы я добрался на велосипеде. Стареньком, еще довоенном. У него была слегка погнута рама, да и звонок, прикрепленный к рулю, практически не звучал. Мне нравилось передвигаться на этом транспорте. Бесшумный, малозаметный, да и к тому же популярный в нашем городе. Раньше он принадлежал жене Руфуса, но она отдала его мне после того, как упала с него и сломала ключицу.

Сагиту я обнаружил на заднем дворе, она, вместе с подругами из кружка по танцам, хоронила крохотную золотую рыбку. Рыбка еще была живой, жадно виляла хвостом, выкатывала глаза и судорожно хватала ртом воздух, непригодный для ее жабр. Подойдя ближе и прислонившись к высокому дереву, я просто наблюдал за тем, как девушки развлека-

каются. Они что-то кричали, смеялись, старались казаться занятыми, но, само собой, занимались этой ерундой исключительно от скуки.

Когда ко мне подошла дама, в строгих серебристых очках и накинутом на плечи разноцветном платке, я смущенно поздоровался.

– Господин Андерс, рада вас видеть, – тут же произнесла она. Я слегка пожал ей руку.

– Вы это поощряете? – в свою очередь решил осведомиться я.

– Что именно?

– Развлечение.

– Ах это. – Она улыбнулась и поправила очки. – Это всего лишь невинные забавы. Хорошо, что они не якшаются с мальчиками. В таком случае было бы гораздо опаснее оставлять их одних.

Я был вынужден согласиться с этими словами.

– Как успехи у Сагиты?

– О, она чудный ребенок. Мне кажется, вам следует отнестись к ней с большим пониманием.

– В каком смысле? – не понял я.

– Сагита рассказывала, что вы не обращаете на нее внимание. Практически не появляетесь дома, часто ссоритесь с супругой. Кем вы работаете, мистер Андерс?

– Хм, ну я продавец в мясной лавке.

– Отчего же вы сейчас не там?

– Не знаю, – усмехнулся я. – У вас не будет папиросы?
Женщина покачала головой.

– У Сагиты большие успехи в танцах. Советую вам беречь такой бриллиант, может быть, в скором будущем она станет знаменитой.

– Этого я и боюсь.

Дама возмущенно фыркнула, после чего развернулась и удалилась прочь.

Я вновь стал наблюдать за тем, как девушки хоронят рыбку. Они закопали ее в неглубокую ямку, произнесли надгробную речь и разошлись. Выглядело очень странно, а главное – совершенно бесполезно. Мне даже показалось, что откуда-то донеслись звуки корявого оркестра, сопровождающего все погребальные процессы в этом городе.

Я помахал племяннице рукой. Она улыбнулась в ответ.

– Как у тебя дела, Том?

– Лучше всех.

— Ты выглядишь усталым. Где ты был этой ночью?

– Не знаю.

– Как Жанна?

– Как обычно. Ворчит.

– Может быть, поедим мороженого?

– Пошли.

И мы отправились за мороженым.

У нас было одно место, на городской площади, где мы часто наблюдали за тем, как голуби собираются стайкой и под-

бирают хлебные крошки с мостовой. Я купил девушке клубничное мороженое, а себе шоколадное. Усевшись на лавочку, она принялась жадно облизывать лакомство, совершенно не замечая того, что сладость капает ей на юбку.

– Вы разведетесь? – внезапно спросила она, глядя в другую сторону.

– Наверное.

– И тебе все равно?

– Нет, ну а что я могу поделаться? – мне не хотелось начинать этот пустой разговор.

– Кажется у нее кто-то есть.

– Мужчина?

– Да.

– Ты знаешь, кто это?

– Какой-то парень, с маленькими, противными усами. Такой слащавый, но милый. – Сагита улыбнулась, вновь проводя языком по поверхности мороженого.

– Да и черт с ними, – огорчился я, выбрасывая свою порция в урну.

Потом мы отправились домой. Молча. Девушка шла чуть впереди, позволяя мне любоваться ее стройными ногами и яркой талией. Я думал о том, как она ворвалась в нашу жизнь, совсем юная, оставшаяся без родителей. А вот о чем думала Сагита, мне было не известно. Она просто шла впереди меня, иногда оборачиваясь. Пританцовывала, воображая, что идет по подиуму. Такой красивый ребенок, у кото-

рого не было ничего, только мечты.

3.

Задний двор нашего дома был безобразно усыпан пожелтевшими листьями. Жанна давно настаивала на том, чтобы я нашел время для уборки, но мне было не до этого. Так часто бывает, можно месяцами заставлять себя что-либо сделать, но так и не суметь пошевелить и пальцем.

Я положил ранец Сагиты на стул, в гостиной, а сам вышел во двор, пытаясь в очередной раз назначить самому себе срок сдачи участка хозяйке. Несколько дворовых котов уныло шатались по грязной траве, то и дело припадая к земле и вслушиваясь в каждый шорох, происходящий вокруг них. Они напоминали мне жалких воришек, решивших стащить из музея какую-то ценность, но не знающие, где точно она располагается. Такой у них был растерянный вид. Я запустил в их сторону маленький камень – животные тут же разбежались кто куда.

Здесь можно было подумать над темой развода. Он был неизбежен, как пробуждение после бурной пьянки, когда болит все тело, а в голове постепенно проявляются картинки, объясняющие твое паршивое, душевное состояние. Да, пожалуй, брак можно сравнить с этим чувством. Мне хотелось его с этим сравнивать, чтобы хоть что-то почувствовать. Странно, но порой трудно признаться в том, что ты обычный человек, даже находясь один на один с самим собой. Что

ты тоже можешь грустить, переживать и радоваться победам. Но мы так часто привыкли облачать себя в маски желаемого, что совсем позабыли о сути, о том, кто мы и на что способны.

Я знал, что добром все это не кончится. Жанна обязательно доведет ситуацию до абсурда, а я просто закрою глаза на всё это. Отмахнусь, отгорожусь стеклянной стеной, постепенно убедив себя в том, что всё это происходит не со мной. Так всегда бывало проще пережить неудачи. А разрыв – это обыкновенная неудача.

Усевшись на деревянную лавку у забора, я закрыл глаза.

Вспомнил войну, вспомнил, как было тяжело. Вспомнил, каким юнцом я был. Вообще тогда всё давалось мне нелегко, в первую очередь было трудно понять, что от меня требуется, какова моя миссия. Да и какая у меня могла быть миссия, если всё, что мы делали изо дня в день, – это то, что мы выживали. Двух моих приятелей посадили на штыки, а одного приговорили к расстрелу за воровство съестной продукции со склада. Когда я вспоминаю его выражение лица, в момент поедания добытой тушенки, мне становится понятно, почему он так поступил. В тот миг он был свободен, а я нет. Я забыл его имя, но не забыл его довольную улыбку.

Жанна нашла меня много позже войны. Мы вместе лишь пять лет. Она тогда была одета в желтое платье, на улице было лето, и по радио, рупоры которого располагались в разных частях города, играла старая, но очень красивая песня. Я еще тогда носил бороду, которая жутко раздражала буду-

щую жену. Вызывала раздражение. Именно по этой причине уже на второе свидание я пришел гладковыбритый, приправленный ядреным, новым одеколоном. Жанна сказала, что находит меня весьма элегантным, а мне просто было приятно пройтись по городским улочкам с молоденькой, симпатичной девушкой.

А теперь эта девушка плюет мне в лицо и говорит о том, что я стал пустым местом.

Пришлось открыть глаза и заползти обратно внутрь дома.

Сагита тренировалась у себя в комнате. Она до одури повторяла какие-то танцевальные движения, от которых у любого другого человека голова пошла бы кругом. Но только не у нее. Ее таланту, а главное, стремлению можно было только позавидовать.

– Как успехи? – спросил я чуть позже.

Сагита обернулась на звук моего голоса. По ее лицу стекали струйки пота.

– Ты меня напугал. – Она плюхнулась на кровать, жадно дыша.

– Прости. Ты так старалась, не хотел тебе мешать.

– Да, иногда я ухожу в себя. – Девушка вытерла мокрый лоб.

Я уселся на пол, прислонившись спиной к ее кровати.

– Чем занята Жанна?

– Кажется, рисует. – Я закрыл глаза, хотелось спать.

– Она часто рисует – в последнее время.

– Это же хорошо, ты так не считаешь?

– Хорошо, – повторила она и вздохнула. – Вечером я иду с подругами гулять, но не волнуйся, допоздна не задержусь.

Я дал добро на это дело. Всё лучше, чем сидеть здесь и слушать эту тишину.

Вечером на прогулку отправился и я.

Было прохладно. Руфус пришел с парочкой своих ребят, и мы все вместе отправились в бар, где хорошенько нажидались вином. Потом поперлись на корабельную пристань.

Город был портовым, и в доках в позднее время суток можно было запросто напороться на всякого рода шваль, начиная с проституток и заканчивая ублюдками, отрезавшими уши у мертвого тела. Такое, конечно, редко случалось, но тем не менее зла в этом городишке хватало.

С моря дул резкий, опьяняющий ветер. Я вдыхал его полной грудью и изредка поднимал голову вверх, чтобы разглядеть бледные звезды, слабо просматривающиеся сквозь завесу туч. Но они были там, за всеми этими облаками, и готовились в любой момент свалиться на землю. Странные они какие-то, эти самые звезды.

Мы прикончили несколько бутылок вина, а потом еще какое-то время играли на гармошке и гитаре. Вокруг нас собрался малочисленный народ, состоящий из изрядно напившихся молодых людей и их девушек. Они подпевали знакомым мелодиям, хлопали и рассказывали свои несуразные истории. Чуть позже мне захотелось спать и, прислонившись

спиной к холодной, бетонной плите, я задремал.

Очнулся от приступа тошноты. Тут же вывернул всё содержимое моего желудка наружу, вытер губы и побрел сонной походкой в сторону дома.

Город спал. Была ночь. Вроде часов двенадцать. Фонари горели, как самое настоящее пламя. Ориентируясь на их вызывающее свечение, я выпрыгивал из темноты на освещенные улицы, хватаясь руками за всё, что только можно, лишь бы сохранить равновесие.

Добравшись до своего дома, я неторопливо проник внутрь, скинул обувь, снял верхнюю одежду и пошел на кухню, чтобы попить воды.

Жанна была не одна. На столе стояло два бокала и початая бутылка вина. Я налил себе немного и уселся на стул, пытаюсь осмыслить происходящее.

Они были в спальне. За стенкой. Я слышал, как они занимались любовью. По телу бегали мурашки, к горлу вновь подкатила тошнота, но я не позволил себе расслабиться, просто достал из кармана брюк папиросу, но закурить так и не удалось, поскольку спичек нигде не было.

Потом в дверном проеме появилась высокая фигура. Это был мужчина, он заметил меня и замер.

– У тебя есть спички? – поинтересовался я.

Он кивнул и, порывшись в кармане своего пальто, протянул мне коробок.

– Спасибо.

Я закурил и вернул ему спички.

– Как дела? – спросил он.

– Я сейчас мало соображаю, слишком много выпил.

Мужчина понимающе кивнул.

– Ты не волнуйся, я сейчас уйду.

– Да нет, ничего, всё нормально. – Я выдохнул из легких дым и попытался улыбнуться.

– Знаешь, Жанна говорила, что ты ищешь работу...

– Правда? Впервые о таком слышу.

Он недоумевающе вздохнул и удалился обратно в комнату.

Кажется, потом я вырубился, поскольку так и не услышал звука закрывающейся двери и ругани жены насчет всего этого.

Утром меня разбудила Сагита. Она подошла ко мне сзади и обняла за шею. У нее были превосходные, холодные руки. Приятное ощущение.

– Очень больно? – спросила девушка.

– Нормально, – ответил я, мысленно извиняясь перед ней за свое равнодушие.

4.

Наверное, в лицах людей я был, есть и навсегда останусь жалким, никчемным доходягой, который настолько паршив, что даже не в состоянии достойно отреагировать на измену жены. Мне бы хотелось высказаться с высокой трибуны, встать во весь рост и громко заявить, что всё это вздор, я способен на разного рода возражения, могу как следует начистить морду любому проходимцу, посягнувшему на уют в моём жилище, но вот проблема всегда состояла в том, что подобного рода деятельность вызывала во мне презрение, смех и, конечно же, приступ тошноты.

Пару дней я бесцельно скитался по улицам города, попивая непонятную бодягу из приватизированной у Руфуса армейской фляги. Ночевал в порту, в окружении чаек и корабельных канатов, которые насквозь провоняли мазутом и другими, не менее приятными видами смазок.

Постоянно хотелось спать. Весьма скверное чувство, непонятное, словно ты никак не можешь открыть глаза и взглянуть на свою жизнь взрослым взглядом.

Я вернулся домой, улегся в кровать, зарылся в простыни с головой, чувствуя, как сквозь открытое окно в комнату просачивается холодный, чересчур свежий воздух.

Когда я проснулся, был уже вечер, но в спальне по-прежнему царил мрак. Часы, висевшие на стене напротив, пре-

кратили свой ход, не было слышно их тиканья. Поднявшись с кровати, я медленными шагами спустился вниз, на кухню, где Сагита вместе с моей женой пили чай.

Они старались не обращать на меня никакого внимания. Пустое место.

– Я думала, ты больше сюда не вернешься, – как-то равнодушно произнесла Жанна.

– Тебе бы этого хотелось, да? – усмехнулся я, наливая в стакан воды. – Мне же нужно где-то спать, это мой дом...

– Прими душ, от тебя воняет! – огрызнулась она, после чего поднялась со стула и принялась мыть чашку.

Я понюхал подмышки, только осторожно, чтобы этого не заметила Сагита. Девушка сидела спиной ко мне, продолжая пить горячий чай.

Затем я отправился в ванную, скинул с себя вонючую одежду, встал под еле теплые струйки воды, пытаюсь отрешиться от всего происходящего вокруг. Жанна тихо подошла ко мне. Нас разделяла только душевая занавеска.

– Долго этот цирк будет продолжаться? – спросила она меня.

– Какой?

– Твое упорство. Сколько ты еще будешь терпеть?

– Не знаю, а ты?

– Хватит хохмить! Вечно всё в шутку переводишь. Завтра уйдешь, ясно? Просто уйдешь и никогда сюда не вернешься. – Потом добавила. – Так будет лучше, ты это знаешь.

До того момента я не знал, кому от этого будет лучше. Мне

или ей, но в тот момент мне вновь ужасно захотелось спать. Я выключил воду, отдернул занавеску, накинул на себя полотенце и прошел мимо жены, игнорируя все ее доводы.

Она, конечно же, была права, я не могу заставить себя серьезно подойти к решению любой проблемы. Такая детская нерешительность, чувство страха перед всем. Мол, если об этом не думать, то всё случится само собой. Словно маленький пугливый мальчик, которому до боли не хочется отпустить поводок с собакой, зная, что он больше никогда не вернется в его руку. А ее взгляд был еще более пленяющим, только тогда я этого еще не понимал. Он остался со мной навсегда.

Половину ночи я провалялся на своей половине кровати, вглядываясь в темноту. Чувство одиночества подкрадывалось незаметно. Оно подползало, как невиданное зло, готовое вцепиться в глотку мертвой хваткой. Осознание того, что уже завтра мне придется уйти и забыть навсегда адрес этого дома, испугало меня не сразу. Хотелось укунить свою руку до крови, закричать что есть сил, но потом случился отлив, мысли пришли в порядок, и я просто уснул.

Рано утром собрал все свои вещи в старый чемодан, позавтракал и проводил Сагиту в школу.

Всю дорогу она молчала, шла рядом, но молчала. Я тоже не знал, что ей сказать, как разрядить обстановку. Она всегда казалась такой умной, сдержанной девушкой, у которой всё в голове расставлено по полочкам, но в тот момент Саги-

та предстала предо мной в образе ребенка, который просто идет в школу, к свои подружкам и учителям и жутко боится получить плохую отметку.

Возле узорной калитки – у входа на территорию учебного заведения, девушка остановилась. Ветер трепал ее волосы, и ей пришлось поправить их, убрав за ухо.

– Ты будешь в порядке? – спросила она.

Я пожал плечами.

– Ты только не пропадай, ладно? Просто приходи сюда, ко мне, или давай будем видеться на набережной– хочешь? Скажем, каждую среду. – Она попыталась улыбнуться. В конце концов никто же не умер, что за трагедия.

– Не волнуйся, я буду тебя навещать, – ответил я и обнял ее.

Потом она убежала на занятия.

Я выдохнул из легких воздух, прогнал грусть и зашагал в сторону мясной лавки, где все еще числился мясником.

Глава 2. В комнате, запертой изнутри

1.

Клиентов в лавке последнее время было многовато, можно даже сказать, что у мистера Чегга дела пошли на лад. Он никогда не опускал руки и старался выжить максимум из любой ситуации.

Конечно же, ему пришлось хорошенько пропесочить меня за такое небрежное отношение к работе. Я не появлялся здесь уже больше недели, но враньё относительно моей резкой и довольно продолжительной болезни сработало. Мистер Чегг не успел найти мне замену, поэтому швырнул в мою сторону зелёный фартук и велел отправляться в разделочный цех. Настало время приступать к разделыванию мяса.

По правде говоря, не так уж много я знал об этом выдающемся ремесле, просто умел хорошо обращаться с ножом, всегда нарезал ровные, годные куски. Был аккуратен, оставлял рабочее место в порядке, в общем – был парнем без придинок.

Обычно всё происходило по классическому сценарию –

часа четыре кряду с абсолютным безразличием к делу у кромсал холодное мясо, после чего выставлял товар на витрину. Потом у меня был перерыв. Я покупал несколько сэндвичей в булочной через дорогу, так же приобретал клюквенный морс у пожилой дамы, в соседнем от нас магазине, и усаживался в подсобном помещении, стараясь не привлекать к себе особого внимания со стороны начальства.

На стене всегда весел календарь, такой старый, потрепанный, со слегка пожелтевшими листами. На нем была изображена полуголая девица, в чудесных чулках с бантиками. Она подмигивала мне. Забавная девушка, напоминающая мне о том, что в мире есть нечто прекрасное, светлое, способное подарить улыбку с первого взгляда.

После семи вечера мясная лавка закрывалась. Иногда мистер Чегг разрешал мне брать домой небольшие куски отбивных или же бекон, за который он потом даже не вычитал из зарплаты, но в этот раз щедрость подобного рода не проявилась. Он сухо попрощался со мной, поинтересовавшись, собираюсь ли я появиться здесь в ближайший месяц. Я улыбнулся, оценив шутку, и пообещал, что прибуду завтра к девяти, без опозданий. Его суровое, усатое лицо на миг просияло, потом вновь окаменело.

Затем я отправился к Руфусу.

– Пустишь переночевать? – спросил я, как только мы закурили.

Он выглядел уставшим.

– Хорошо.

– Спасибо.

– Только не шуми. У жены мигрень, она сейчас какая-то нервная.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.